

Текст · 5 января 2020, 09:12

Дмитрий Швец,

«Эти идиоты считали, что если у заключенного есть шоколад, то он готовится к побегу — шоколад очень калорийный». Как работала нелегальная система поддержки политзаключенных во времена Брежнева

Сергей Ходорович

Программист. Стал распорядителем Фонда после высылки своего предшественника Александра Гинзбурга в 1979 году. В 1983-м осужден по статье 190-1 УК РСФСР (распространение заведомо ложных измышлений, порочащих советский государственный и общественный строй) на три года лагерей; в 1986-м получил новый срок за злостное нарушение установленного порядка отбывания наказания (статья 116 УК РСФСР). После освобождения уехал во Францию. По настоянию Сергея Ходоровича «Медиазона» сообщает, что разговор с ним проходил в форме интервью, а вопросы корреспондента были затем удалены из текста при редакции.

Я в 1972 году приехал в Москву, а до этого жил в Крыму. С одной стороны, меня мало знали, но начиная со второй половины 1960-х годов я очень многих людей из тех, кого позже стали называть диссидентами, узнал. Это произошло потому, что моя двоюродная сестра Татьяна Сергеевна Ходорович была активной участницей демократического движения. В частности, была инициативная группа по защите прав человека, туда входила моя сестра, и она была все время в центре всяких событий. Я общался, приезжал в Москву; летом она в Крым приезжала. Через нее мне был доступен самиздат, а в 1972 году я женился на москвичке и переехал. Я общался со всеми людьми, которые пытались что-то в этой ситуации делать — эта вся протестная среда, не принимающая советчину. Но активным я не был, тем более что по характеру я, что называется, не борец, и надежд, что можно как-то повлиять, у меня не было.

Фонд образовался в 1974 году. Первый распорядитель — Александр Гинзбург, я его знал, и по мере

сил пытался помогать как-то. Надо сказать, до Фонда было распространено: когда людей сажали, другие оказывались в затруднительном положении, супруга увольняли с работы — поэтому все остальные пытались поддерживать их, просто-напросто собирали по мере сил деньги. Когда надо было ехать на свидание, — а укатывали куда-нибудь далеко, ну вот как минимум чисто политических: Урал, Мордовия, — на свидание нужны были деньги, всегда были сборы, и мы, кто сколько может, всегда собирали.

Так что Солженицын пожертвовал все свои гонорары и завещал будущие от «Архипелага ГУЛАГ» и из них создал Фонд помощи заключенным и их семьям... Узниками совести их называли, потому что назвать «политическим» — это было неправильно. Сплошь и рядом никто никакой политикой не занимался, большинство ни в каких партиях не состояли.

Фонд, конечно, не мог создать нормальную жизнь, и дальше было положение о Фонде разработано, что его задача — помочь физически выжить, не до жиру. Это, конечно, давало сидящему основание полагать, что семья не останется совсем голодной, и, в общем, моральное воздействие и финансовое было громадным.

В 1977 году Алика [Гинзбурга] посадили в третий его раз уже, и тогда распорядителями фонда решили стать коллегиально три человека — Мальва Ланда, моя сестра Татьяна и Кронид Любарский. Было намерение у государства с Фондом покончить, но пока Алик публично объявил о Фонде, как-то они

медленно раскачивались, потому что это ни под какую статью не подходило. Они и представить не могли, что может быть такой самодеятельный фонд, такая наглость, и это дало ему возможность года три отработать и успеть наладить работу фонда. Но на трех распорядителей сразу стали оказывать дикое давление. Любарский только освободился и его сразу взяли, было очевидно, что его снова посадят, и он решил уехать за границу. Мальве Ланда в квартире устроили поджог — у нее загорелось что-то, квартиры были государственные, ее обвинили в халатности или поджоге государственного имущества и отправили в ссылку, она уже не могла заниматься фондом.

Осталась моя сестра, мать четверых детей, и всевозможное давление на нее оказывалось — стало понятно, что сажать им ее несподручно все-таки. Тогда правительство было завязано на внешний мир, издержки явно не хотелось терпеть, [поэтому] усилия были на то, чтобы выдавить ее из страны, и она решила уехать.

На тот момент были люди, которые говорили, что готовы стать распорядителями, но не готовы сидеть за деньги из-за границы. Это тогда было такое, что... до сих пор этим всем тычут. То есть, если бы деньги были легальными — они бы согласились. Но человек не хотел нарушать законодательство. К тому времени деньги уже по почте не могли доходить. Я тогда на это посмотрел так: берясь за это, тут уже бесполезно разбираться, за то посадят или за это — повод и так найдут, а суть в том, что мы занимаемся тем, что не одобряет государство, и рано или поздно нас посадят, а за то или за это, все равно.

Я считал, что изо всех диссидентских начинаний Фонд — самое нужное, и я решил объявиться. Это было воспринято [как] не то, что я замахиваюсь на что-то, что мне не по силам... В общем, против никто не был. У Алика прошел суд, Арина^[1] получила свидание, она сказала ему, кто распорядитель теперь, и он палец показал большой. Вот так я стал, можно сказать неожиданно как-то для себя даже, распорядителем.

Схема была такая, какую отработал Алик: был президент Фонда^[2] за границей, который как-то где-то добывал советские деньги, находил пути их отправления. Сначала, когда Фонд начинался, можно было просто деньги из-за границы переводить почтой, и Алик первое время получал переводы откровенно. Потом они ввели закон, что если деньги не заработанные, то их облагают налогом, и получалось так, что с доллара чуть ли не по пять копеек оставалось. Стало невозможно получать их по почте, после этого как-то еще деньги поступали, о чем я не знал до конца. Здесь внутри Алик был распорядитель, он ими распоряжался. Он собрал списки заключенных, разделил на группы.

И находились энтузиасты, самоотверженные люди, которые никак не объявлены. Распорядитель мог утешаться тем, что если его посадят, то про него хоть говорят, эти же никак не объявлены были.

Был один случай, было посажено несколько крымских татар, которые добивались возвращения в Крым. Их сажали, они тоже попадали под опеку Фонда, никакого различия по национальным признакам

не было, если человека сажали за политическую деятельность. Один раз у меня так спросили: а нужно ли говорить, что мы получаем помощь от Фонда? Я говорю, что Фонд никаких условий не ставит, это — как вы считаете нужным. Они спросили, а для вас как лучше? Я говорю — да, в общем, я не знаю, по мне лучше — не отчитываться перед этими^[3]. Те спрашивают — но тогда же вас могут обвинить в том, что деньги не доходят до татар? Ой, говорю, это не самое страшное, за что меня могут посадить. Я считал что рано или поздно посадят, и тогда была такая ситуация — как хотят, так и посадят.

Со временем я увидел, дело — совершенно простое: Александр Исаевич отдал свои деньги, передайте их тем, кто нуждается. Это было так: они собирались за границей советскими купюрами, как они попадали — я не знаю, здесь я знал человека, который мне говорил — пришли деньги, забери. Вот все, интересоваться дальше? Меньше знаешь — легче жить. Этот вопрос меня не касался, мое дело было — распоряжаться. Я знал только человека, который мне их передает, и то это было уже излишним, эти вопросы следователя больше всего интересовали. Передавал наш советский гражданин — естественно, сочувствующий.

Насколько мне помнится, постоянно сидящих было человек двести, но за год набиралось больше тысячи человек, кому мы помогали разово. Дети, родители-инвалиды, или если мужа посадили и жена осталась без работы с детьми — по освобождению рублей 300, это была довольно большая сумма тогда, двухмесячная зарплата инженера, вот такие траты брал на себя Фонд. На ребенка полагалось

40 рублей в месяц, причем было несколько случаев, когда сажали из крупных семей. Был такой Валя Серый и еще какие-то религиозные люди, получилась такая картина: на десять детей по 40 рублей — это 400 рублей. Человек на воле в советское время их никогда не заработает. Зарплата хорошего рабочего могла доходить до 250 рублей. Это стало выглядеть некоторым стимулированием: человек видит, что не может прокормить детей, и думает — сяду, буду получать побольше. И тогда ограничили по 40 рублей на ребенка, но не больше 120 рублей в месяц. Фонд брал все расходы, связанные с поездками, с передачами. На самого заключенного траты были небольшие, разве что на поездки на свидания. А посылка раз в полгода пятикилограммовая — ну, там добывали изощренное, чтобы самые калорийные продукты — и траты на адвокатов. Адвокаты были склонны брать больше. Я настаивал, что Фонд будет платить только то, что положено по закону. По закону было не так много, а я тогда считал, что адвокат должен понимать, что в этих делах чисто юридически толку от него нет, адвокат не может изменить никак [участь подзащитного], облегчить. Смысл в том что он общается: тогда же на следствии адвоката не допускали. Около года следствие тянулось, никаких сведений, и первый, кто его видит — адвокат, который общается с семьей, который может сказать что-то про семью и быть в курсе дела. Я считал, что брать за это лишние деньги — нехорошо.

Но у меня оставалось право: я мог по своему усмотрению отходить от регламента в пределах 1%, этим я крайне редко пользовался. Когда люди предлагали свои деньги Фонду, я им говорил — вы

отдадите деньги, [но] мы предупреждаем, что не отчитываемся. Не возьметесь ли вы взять кого-то конкретного и сами как-то общаться? На это люди не шли. Я говорю — хорошо, тогда с вашего согласия — у нас есть регламент, но есть те, кому можно отдать побольше. Я берусь эти деньги передать, если вы согласны. Как правило, соглашались.

Про воровство денег. Ядром Фонда были родственники сидящих, прямо заинтересованные, или близкие знакомые. Дальше у рядовых участников Фонда, которые переписывались и общались, у которых останавливались на квартире... Представить, чтобы они от этих крох что-то воровали, нельзя. Потом, просто у них не было возможности, чтобы это осталось незамеченным. Ну вот — им выдали на трех человек на полгода столько-то, а те эти деньги не получают. Наоборот, были случаи, когда люди свои деньги, какие могли, отдавали, и это не единичные случаи, люди были альтруисты полные. О воровстве поэтому неактуально говорить. Если говорить реально, кто был неподконтрольным, так это — распорядитель. По поводу себя — я не воровал, больше сказать ничего не могу, про остальных — ни на кого подозрение не закрадывалось. Идя на риск, если кто склонен воровать, лучше было устроиться в торговлю.

Ив Аман

Славист, автор биографической книги о священнике Александре Мене. В 1974-1979 годах — атташе по культуре при посольстве Франции в СССР.

Я появляюсь именно в начале. Я — русист и был ассистентом в Парижском университете, мой коллега и друг был Никита Струве^[4]. Его роль очень важна, он был литературным советником издательства *УМСА Press*, которое выпускало эмигрантскую литературу с конца 1920-х годов, де-факто он возглавил издательство в начале 1970-х. Со своей стороны Солженицын стал здесь известным писателем. Его сначала издавали [в СССР] официально, потом другие произведения отклонялись, они ходили в самиздате и попадали за границу, где они были изданы, в общем, без его разрешения. Он решил навести порядок в издании его книг за границей и каким-то образом вышел на Никиту Струве. В феврале 1973 года Солженицын был выслан из Союза, и вот я получаю назначение в качестве культурного атташе. Я приезжаю сюда в конце сентября 1974 года. Перед моим отъездом Струве меня просит — согласитесь ли вы осуществлять связь между Солженицыными и их друзьями в Москве и быть одним из посредников? И, в том числе, соглашусь ли я осуществлять связь между Солженицыным и Фондом, о котором я тогда и узнал.

Я много знал о Гинзбурге, у меня с ним были общие друзья, но было понятно, что нельзя, чтобы я общался напрямую, открыто. Было решено, что между Гинзбургом и мной будет еще один человек — Наталья Столярова^[5]. Было решено, что связь с Фондом я буду осуществлять через нее, мы очень активно общались те пять лет, что я провел в Москве. С одной стороны, я ей передавал письма оттуда; думаю, это были разные письма — личного характера и касающиеся Фонда — я их, естественно, не читал. Кроме того, меня попросили передавать лекарства, одежду, поскольку я приехал в Москву, получил назначение со своей семьей, у меня была возможность привезти сюда свои вещи, и к ним я добавил одежду для Фонда. Это один раз было, но много. Лекарства я получал по дипломатической почте регулярно, также получал книги, не для Фонда, а для круга друзей, и как-то меня спросили — не возьметесь ли вы передавать деньги? И я стал передавать деньги, рубли — в Швейцарии они свободно продавались, многие дипломаты покупали их для своих нужд, это было гораздо дешевле: европейские дипломаты, которые жили в СССР, покупали рубли в Швейцарии — в три раза дешевле, чем по официальному курсу, не в любом банке, но в каких-то.

Соответственно, из Швейцарии деньги вывозили во Францию. Деньги я получал, когда приезжал домой в отпуск, дипломатов не обыскивали. Сколько? Это вещи, которые я старался не помнить, но это были относительно большие суммы. Во время, когда я был, из французов это [связной Фонда] был скорее всего только я, после моего отъезда еще кто-то

этим занимался, но на свете существуют не только французы.

Ездил я два раза в год. Думаю, если бы мой посол об этом узнал, он бы попросил, чтобы я вернулся во Францию. Понимаете, мы соблюдали правила конспирации — может быть, мы были очень наивными, но в общем, вели себя очень осторожно. С одной стороны, Столярова встречалась со многими людьми, ее приглашали в посольство на какие-то вечера, поскольку она была переводчица, а ее сестра жила в Швейцарии. Она принадлежала к тому кругу людей, с которыми советскими властями разрешалось встречаться иностранцам — не слишком часто, но нормально. Такие встречи она не скрывала, но встречи со мной она скрывала, я с ней встречался очень осторожно, не звонил — о каждой встрече договаривались заранее. Я приходил к ней, и когда уходил, говорил — приду в следующий раз в такой то день, приносил книги, письма, деньги.

Слежки за собой я не ощущал, но, правда, наблюдение ощущал. Однажды, когда я приехал еще студентом, я физически ощутил — когда чувствуешь, что тебе в спину смотрят. Я потом понял, что я, наверное, заметил людей, но это уже потом. Я до сих пор помню, когда я жил в СССР, мы с женой очень много ездили (тем более, что жена занималась древнерусской архитектурой, посетила много городов), и наблюдение ощущали только два раза — во Львове и Вильнюсе. Во Львове мы были три дня и заняли драгоценное зрение 12 человек. Как в кино, очень маленькая гостиница, и в приемной человек читает газету. Мы выходим и идем в музей,

на улице только черная «Волга» с двумя антеннами. Мы идем, и машина едет. Просто это для устрашения, чтобы дать знать — мы за вами наблюдаем. Но в Москве мы такого не ощущали. Я знаю, что здесь можно организовать слежку незаметную, но для этого нужно 20 человек. Мне показалось, что за мной такого не было, но, может быть, это потому, что мы себя вели очень осторожно.

После ареста Гинзбурга я не очень знал, кто занял его место. Вообще, по законам конспирации, такие вопросы не задаются. Знал приблизительно; очень много узнал, когда вернулся домой.

Александр Подрабинек

Правозащитник. В 1978 году осужден на пять лет ссылки по статье 190-1 УК РСФСР; в 1980-м повторно осужден по той же статье на 3,5 года лагерей.

Перед арестом Гинзбурга в феврале 1977 года он устроил пресс-конференцию у себя на квартире, где сделал отчет о работе Фонда за три года. И он

объявил, что за три года Фонд аккумулировал 270 тысяч рублей. По тогдашнему курсу это было 68 тысяч долларов. Из них 70 тысяч были пожертвования частных людей, около тысячи человек. По 70 рублей — это довольно большая сумма, минимальная зарплата в то время. Бывали и состоятельные люди: академики, ученые, артисты, которые неплохо зарабатывали, могли себе позволить внести по 70 рублей и гораздо больше.

Я занимался вопросами заключения в психиатрические больницы людей по политическим обвинениям, у нас была целая **комиссия** организована при Московской Хельсинской группе, и мы занимались разными аспектами этой проблемы, в том числе — обеспечением заключенных. То есть вот они находятся в тюрьмах, спецпсихбольницах — то же самое, что тюрьма — и их надо поддерживать: их самих и их семьи. У нас была, естественно, картотека, списки: кто где сидит, у кого какие проблемы. Но и комиссия была — четыре человека. Разумеется, мы бы сами с этим никогда не справились. У нас непрерывно находились под опекой около 50 человек, в разное время по-разному, но несколько десятков посылок отправить — это одному человеку надо заниматься все время, так что вокруг нас было десятка полтора-два людей, которые помогали все это делать.

В посылке есть определенные продукты, разрешенные: рыбные и мясные консервы — их, правда, перекладывали из металлических банок в стеклянные — сухофрукты, какие-то простые вещи. Мы старались класть все лучшее и самое калорийное: я, например доставал красную икру, которая была

страшнейшим дефицитом тогда. Так называемый блат: иногда переплачивали, иногда просто по знакомству доставали, и старались отправлять каждому по банке икры. Там это не просто радость, потому что ее и на воле нет, но это — валюта. Мы посылали туда белый шоколад. Тогда никто не знал ничего про белый шоколад. Его привозили из-за границы, или мы с кем-нибудь из добрых зарубежных гостей шли в «Березку»^[6], и он покупал на свою валюту, чеки белый шоколад. Мы его ломали и обозначали это как конфеты: шоколад нельзя было передавать в тюрьму. Эти идиоты считали, что если у заключенного есть шоколад, то он готовится к побегу — шоколад очень калорийный. Его дают в полярные экспедиции как неприкосновенный запас, потому что им можно долго питаться.

Большую часть людей, которых мы опекали, мы даже лично не знали — знали десятую часть, может, меньше. В основном это были люди, о которых мы узнали от других политзаключенных. В этом смысле наша работа со спецпсихбольницами была гораздо сложнее, чем у остальных с тюрьмами. Известно, сколько лагерей: четыре в Мордовии, три — в Перми... Туда приходят — там все друг друга знают, родственники общаются на воле. Со спецпсихбольницами в этом смысле гораздо сложнее. Их больше, в них отделений больше, в них изоляция строже, и узнать информацию было труднее. Но приходит, допустим, к нам человек. Прежде всего, если он врет или засланный, то это все-таки видно при некотором опыте общения. Но это, конечно, субъективный фактор. Мы просили судебные документы. В решении излагается

мотивировочная часть, там описывается состав, говорится, по какой статье предъявлено обвинение. Бывали случаи, что людям предъявляли обвинения по уголовной статье, но за этим стояли политические мотивы, это более сложный случай. Приходилось каким-то образом уточнять.

Но сомнения трактовались всегда в пользу заключенного, потому что лучше было ошибиться в эту сторону, чем в обратную. Но ошибки бывали. Мы опекали людей, потом выяснялось, что ничего политического за этим не было. Ну, помощь все равно не пропадает даром — это человек, заключенный. Не катастрофично. Но таких случаев было немного, один случай — человек был действительно сильно больной, он сочинил себе биографию, кого-то убедил. Но у нас и психиатры были, и свой опыт есть. Со временем выяснили.

Знаю распространенный способ, которым пополнялись деньги Фонда — с помощью еврейской репатриации. Люди, которые уезжали отсюда, могли взять с собой какую-то небольшую фиксированную сумму, гораздо меньше, чем они могли скопить. Они все продавали, и образовывалось довольно много денег, но вывести их они не могли. Так что они оставляли деньги Фонду, а за границей их получали — очень простая операция, не связанная с физическим выводом.

Распорядитель Фонда хранил деньги у разных людей. Мы получали довольно крупные суммы раз в месяц, я их делил на несколько частей и хранил в разных местах. В месяц получал тысячами, сейчас не помню

сколько — это включало себя и помощь семьям, и переводы по 10 рублей на ларек каждый месяц, и посылки. Поездки, наверное, самый большой расход — для свиданий.

Вот в 1977 году меня Гинзбург попросил поехать по ссыльным в Сибири. И я навестил шесть или семь человек ссыльных и одного заключенного в психбольницу. Это было две недели, я за две недели поменял 15 самолетов и два поезда. Я работал на скорой помощи тогда, и у меня были отгулы, там работали сутки через двое. У меня было несколько отгулов; были донорские дни (можно было сдать кровь и взять отгул) и еще я попросил себе передвинуть — освободил себе две недели. Это была сумасшедшая гонка, иногда по два самолета в день с пересадками. Конечно, мне все оплачивал Фонд, я сохранил все билеты. Кстати, по продуктам мы тоже оставляли себе чеки, но это больше для себя, чтобы не сбиться. Просто чтобы не ошибиться.

Почему всех быстро не пересажали — есть несколько причин. Во-первых, они хотели отследить всех. У них это никогда не получалось, потому что они не бог весть какие специалисты и люди довольно ленивые, которые работают за зарплату, а не за идею. Вообще, пятое управление^[7] — к нему даже в КГБ было отношение снисходительное. Оно формировалось в основном за счет комсомольцев, они не были хорошими спецами в своей области и не очень-то ловко работали, но хотели проследить все, особенно источники — чего им никогда не удавалось.

Другая причина — в том, что они же понимали: одного человека заберут, придет другой, и надо будет начинать заново оперативную разработку. А так у них есть наработанные материалы, у кого-то что-то прихватывают, где-то они в курсе, каким-то образом налаживают сбор информации, прослушка, стукачи. У них сложилась какая-то картина, а если забрать распорядителя, то начинается все сначала. У того человека новые связи, новый круг, есть и старые — чехарда.

Третья причина — они не были особенно заинтересованы в том, чтобы разгромить движение целиком. Потому что они жили в основном за счет этой работы, они получали звездочки, делали карьеру.

Хотя был один случай, когда один из распорядителей Фонда потек под давлением КГБ, Репин его фамилия была, он был питерский. Это было в 1980-х годах, в начале, когда все рушилось, всех посажали, движение было в упадке. Фонд начали передавать из рук в руки, Ходоровича посадили. [Фонд] взял один человек, другой, попало к этому Репину — а он раскололся по полной программе. Я не знаю, что стало с деньгами, я сидел тогда. Думаю, он сдал и Фонд тоже.

Редакторы: Сергей Смирнов, Дмитрий Ткачев

-
1. Жена Гинзбурга Арина Жолковская-Гинзбург.
 2. Жена Александра Солженицына Наталья.
 3. Сотрудниками КГБ.
 4. Внук публициста Петра Струве, одного из авторов сборника «Вехи», покинувшего Россию после Октябрьской революции.

5. Дочь знаменитой эсерки Натальи Климовой, родившаяся в эмиграции. В 1936 году приехала в СССР, была арестована и отбыла 10 лет в лагерях. Работала секретарем писателя Ильи Эренбурга, близко дружила с Варламом Шаламовым, участвовала в передаче на Запад рукописей Александра Солженицына.

6. Сеть фирменных магазинов, торговавших за валюту и чеки Внешторгбанка.

7. Пятое управление КГБ СССР отвечало за борьбу с «идеологическими диверсиями», то есть инакомыслием.